

Ольга Старовойтова

ЖАННА НАВАРРСКАЯ

«Пора настала, сын мой, собирайся в дорогу»

Время французского Ренессанса явило миру величайших художников, писателей, поэтов, музыкантов и ученых. И оно же, по единодушному мнению современников, отличалось редкостной безнравственностью. Разврат, интриги, козни, убийства, даже предательство интересов государства во имя достижения низменных сиюминутных целей принимались, как должное, ибо были в порядке вещей. Вдобавок страну, как и Европу в целом, сотрясали жестокие религиозные войны между католиками и протестантами. В этой отравленной миазмами всеобщего растления нравов атмосфере каким-то удивительным образом сохраняли пленительную чистоту души две венценосные женщины, связанные между собой кровным родством. Одна из них, знаменитая сестра короля Франциска I, Маргарита из ангулемской ветви династии Валуа, вошла в историю как писательница-гуманист, автор знаменитого «Гептамерона». Другая, героиня нашего рассказа Жанна, королева Наварры, дочь Маргариты, почти неизвестна современному читателю. Между тем, эта сильная, волевая и, как сказали бы сегодня, «правильная» женщина оставила заметный след на скрижалях истории своей эпохи...

“Среди полей росло невинное дитя...”

“Она (Маргарита) освещала лучом поэзии жизнь своего брата (Франциска I), для которого всегда являлась добрым гением”.

Камилл СЕН-БЕВ

Эта венценосная пара действительно являла редчайший в мировой истории пример душевной привязанности, сохранявшейся неизменной на протяжении всей жизни.

Ричард Паркс Бонингтон. Король Франциск I и его сестра Маргарита, по первому браку герцогиня Ангулемская, в Шамборе

Когда Франциска I взяли в плен, Маргарита немедленно отправилась в Испанию, чтобы ухаживать за тяжело заболевшим братом. Всесильный монарх платил ей той же монетой, во всем советуясь со своей утонченной, блестяще образованной сестрой, знавшей с добрый десяток европейских и древних языков. Во имя государственной политики обожаемого брата Маргарита пожертвовала своей личной жизнью, дважды выйдя замуж без любви. В первый раз – за герцога Ангулемского.

Статуя Маргарите Валуа в Ангулеме

Вторым супругом герцогини стал Генрих II д'Альбре¹, король Наварры - страны, затерявшейся в предгорьях Пиренеев.

Рачительный государь и отличный солдат, мужественный и подчас жестокий, вечно пахнувший луком, предоставил супруге полную свободу действий, довольствуясь прелестями сельских красоток.

Генрих II д'Альбре¹, король Наварры

Герб короля Наварры

Digitalisierung gefördert durch die Deutsche Forschungsgemeinschaft · DFG

И она превратила свои замки в По, Нераке в настоящую цитадель изящных искусств. Сюда, в Нерак, к блестящему наваррскому двору, периодически наезжали знаменитые художники, философы, писатели. А некоторые из них, - Клеман Маро, Пьер Ронсар, Гийом Бриссоне – подолгу жили в окружении щедрой, веселой и остроумной королевы.

Приют гуманистов – замок в Нераке

Помимо общих литературных интересов, эту «могучую кучку», как и многие просвещенные умы той эпохи, привлекал постепенно проникший во все слои общества евангелизм. Это течение, ставшее предтечей мощного реформаторского движения – протестантизма², преследовало благородную цель: следовать в жизни каждого дня точным предписанием Евангелий. Требовалось только очистить первоисточники от вставок и комментариев, некогда внесенных чересчур рьяными отцами церкви. Поиском подлинных текстов священных писаний, их переводом с древнегреческого и древнееврейского, а также сравнением содержания глав первоисточников с их с позднейшими редакциями и занимались ученые-гуманисты из окружения королевы. С гусиным пером за ухом они часами сидели, уткнувшись в книги, за широкими столами, специально установленными под туловыми деревьями, и трудились,

вдыхая волшебный аромат лесов и полей. Король Наварры, будучи правоверным католиком, тем не менее, смотрел на новые веяния сквозь пальцы. В конце концов, какая разница, что за веру исповедуют его подданные. Главное, чтобы королева рожала детей, а все остальные исправно возделывали землю и платили налоги. В такой пасторальной атмосфере, на лоне чудесной природы, в 1528 году на свет появилась маленькая Жанна д'Альбре. Едва девчушка вышла из нежного возраста, как тут же потребовала себе лошадь и целыми днями бесстрашно носилась по окрестным холмам вместе с ровесниками-дворянами, явно отдавая предпочтение сильному полу. «Ай да сорвиголова, вся в меня!» – довольно цокал языком старый король, наблюдая за проделками чересчур самостоятельной принцессы.

Юная Жанна д' Альбре

А будущий лидер протестантов была бесконечно счастлива в родной Наварре, окруженной изумрудными склонами гор, такой прекрасной в пурпуровых бликах заходящего Солнца.

«Серьезным толчком, положившим начало Реформации, стал вопрос об индульгенциях. Первоначально индульгенция состояла в отпущении церковной епитимьи, с согласия всех членов общины. Эту епитимью, заключающуюся в бичевании, путешествии к святым местам и т.п., в некоторых случаях дозволялось заменять уплатой денег. Следовательно, индульгенция касалась только внешней части покаяния, но не освобождала от грехов. Для освобождения от последних служило таинство покаяния, в котором верующий и раскаявшийся грешник разрешался от греха самим Богом устами священника. Однако с течением времени в западной церкви индульгенция перешла и на самое разрешение грехов. Но, поскольку

духовенство хотело обратить ее в особенную для себя привилегию, то усилиями апологета западной церкви Фомы Аквинского в основу индульгенции была положена совершенно другая идея. А именно: идея о преизобилующей заслуге Христа и святых. Христос, учила церковь, принес большую, чем нужно было, жертву правосудию Божию. Одной капли пречистой крови Его было достаточно для очищения грехов всего рода человеческого. Все же остальное, вместе с заслугами праведников, откладывается главою церкви в виде особого капитала или запаса, который в случае нужды обращается в частную пользу немогущего члена церкви, восполняя недостаток его добрых дел и заглаживая грехи в соответствии с количеством чужих заслуг.... Папа один имеет право распоряжаться этими сокровищами, как полной собственностью церкви.

С XIV века индульгенциями начинают злоупотреблять, прикрываясь всемирными юбилеями. Папа Бонифаций VIII, назначив в 1300 году столетний юбилей, обещал полное прощение всем христианам, которые в этом году посетят Рим и совершат различные подвиги благочестия. Через полвека Климент VI, рассудив, что его предшественник мало заботился о потомках, сократил срок юбилеев на 50 лет. А его приемники удовольствовались куда как меньшими промежутками времени: юбилеи праздновались в 1475, в 1489, 1500, 1517 годах. Огромные суммы, стекавшиеся этим путем в римскую курию, с удивительной скоростью поглощались наместниками святого Петра. И вот от лица пап, за собственной его печатью, стали исходить буллы, дающие право монастырям и храмам право продавать индульгенции. Однако всех понтификов обошел папа Лев X, обнародовавший буллу о всеобщем прощении грехов во имя сбора средств на постройку базилики святого Петра в Риме.

К концу XV века Германия стала главной жертвой римской эксплуатации. ...Из всех народов Европы немцы благодаря своей религиозности и простодушию особенно легко попадались на эту удочку. Немецкие протестанты римских пап процветали. Дошло до того, что некто Тецель, монах из ордена доминиканцев, ездил по стране с прейскурантом, взимая за каждый грех по особой таксе. Простое убийство стоило 7 червонцев, убийство родителей тянуло на 10, святотатство – на 9 и т. д. ...Разумеется, наиболее просвещенные умы возмутились. И очень скоро гости, стекавшиеся на праздник к дворцовой Виттенбергской церкви, с изумлением читали прибитые на воротах 95 тезисов Мартина Лютера. Так возникла Реформация,

вылившаяся в жестокие религиозные войны протестантов против католиков».

Том из библиотеки Ф. Павленкова,
«Мартин Лютер»,
в сокращении и авторской редакции

Ну, и характер!

*«Будь один против всех:
Молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает волны прибоя»*
Максимилиан ВОЛОШИН

Двенадцатилетняя Жанна, встряхивая белокурыми локонами, весело играла с собачкой в охотничьем замке Плесси де Тур, когда послышался рожок, извещающий о прибытии в Амбуаз короля.

Замок Плесси ле Тур, где Жанна воспитывалась под наблюдением дяди, короля Франциска I

«Улыбнитесь, принцесса, вам нужно радостно встретить вашего дядю», - внушала ей мадам де Силли бейлиф Кана. «Ну, уж нет! Он держит меня здесь взаперти, как в темнице, - возмущенно воскликнула девчушка. – Боится, что отец выдаст меня замуж за его злейшего врага Филиппа Испанского». Придворная дама со страхом обернулась к двери, за которой уже слышались быстрые шаги. «Моя дорогая, я пришел сообщить, что нашел тебе хорошего жениха, герцога

Клевского», - сказал Франциск I, прижав племянницу к груди. «Но ведь он же старик», – возмутилась Жанна с присущей ей прямоотой и искренностью. «Ну, не такой уж и старый, всего 24 года», - ответил монарх, улыбаясь в бороду: малышка совершенно не походила на его нежную и покладистую сестру. – Пойми, этого требуют государственные интересы. Герцог Клевский возглавит французскую армию против Испании...». «Я не выйду за него замуж!» – с вызовом произнесла принцесса – «Хочу, чтобы мой брак был настоящим, счастливым». Франциск, нахмурившись, встал и со словами «Свадьба состоится через месяц», покинул замок.

Спустя несколько дней французский двор втихомолку обсуждал сногшибательную новость. Эта взбалмошная девчонка бросила вызов всем! Подумать только, она написала письмо, в котором изложила мотивы отказа от брака, и отнесла в собор, заставив прелатов ознакомиться с его содержанием. На этот раз Франциск был взбешен, но приготовления к свадьбе продолжались. Однако он совсем не знал племянницу. Наряженная в усыпанное драгоценностями платье, прямо на пороге церкви Жанна отказалась идти дальше. Тогда король повелел коннетаблю Монморанси взять невесту на руки и нести к алтарю.

Вечером по обычаю, на глазах многочисленных придворных, молодых уложили в постель. И тут, поймав испуганный взгляд Жанны, король смягчился, он всегда хотел, чтобы им восхищались. Тонем, не терпящим возражений, Франциск произнес: «Достаточно, брачные отношения были осуществлены в нужной степени. Невеста слишком молода. Когда она повзрослеет, брачные отношения будут осуществлены полностью».

Через несколько дней герцог отправился на войну, а новоиспеченная герцогиня Клевская - в родную Наварру. Родители приставили к ней лучших учителей, и она с радостью осваивала науки, наслаждалась привольной жизнью. Вскоре ее желание неожиданно исполнилось. Герцог не оправдал ожиданий короля, и Франциск счел брак расторгнутым.

«Я, Жанна Наваррская, подтверждая мои ранее высказанные протесты, настоящим заявлением свидетельствую о моем нежелании вступить в брак с герцогом Клевским. Я не соглашалась и никогда не соглашусь на него. Любые мои будущие слова и поступки, могущие быть истолкованными как выражение согласия, на самом деле станут лишь следствием страха перед королем, моим отцом и моей матерью,

которая угрожала мне физической расправой. Исполняя указание королевы, моей матери, моя наставница бейлиф Кана неоднократно заявляла, что если я не буду выполнять все пожелания короля, касающиеся этого брака, то меня подвергнут жестокому наказанию, представляющему опасность для моей жизни. Мне было сказано, что мой отказ может привести к гибели моих отца и матери, а также их дома. Подобная угроза пробудила во мне такой страх, что я обратилась к Господу с просьбой сделать так, чтобы мои родители простили меня. Им обоим известно, что я никогда не полюблю герцога Клевского. Таким образом, я заранее заявляю: если мне придется стать невестой или женой вышеупомянутого герцога Клевского, то это произойдет помимо моей воли. Он никогда не станет моим настоящим мужем; во всяком случае, я не буду считать его таковым. Я прошу Господа стать моим свидетелем при подписании этого документа и запомнить, что меня подталкивают к этому браку посредством насилия и принуждения».

Письмо принцессы Жанны

«Любовь нежданно нагрянет...»

*«Наша Госпожа на краю моста,
Помоги мне в этот час,
Помолись за меня,
Чтоб я быстро родила,
Подари мне сына»*

Хорал "Adjutat me a d' aqueste hore"³

Это была любовь с первого взгляда! Она налетела внезапно, во время приезда Жанны ко двору, на крестины новорожденного дофина Франциска. В числе гостей находился и импозантный мужчина с галантными манерами. Как гордо он носил шикарную шляпу с пером, как величественно шествовал по залу, грациозно склоняясь в изящном поклоне... «Это Антуан де Бурбон, герцог Вандомский, принц крови, полководец», - прошептала стоявшая рядом дама, перехватив ее замороженный взгляд. А вскоре кузен, король Генрих II, воссевший к тому времени французский трон, сказал, что двое знатнейших вельмож королевства хотели бы видеть ее своей супругой: Франциск де Гиз и

Антуан де Бурбон. Она задохнулась от радости, и, не задумываясь, выпалила: «Антуан, я согласна выйти за Антуана».

Вскоре распутный французский двор вновь получил обильную пищу для сплетен: «Подумать только, этот ветреный любимец женщин верен своей тощей наваррской козе. Да еще и прилюдно демонстрирует свои чувства».

Антуан де Бурбон, герцог Вандомский

HENRI IV ET LES GUERRES DE RELIGION EN PAYS DE FOIX

Henri IV le pacificateur

L'éducation du prince

Fils de Jeanne d'Albret et d'Antoine de Bourbon, Henri de Bourbon naît à Pau le 13 décembre 1553. Éduqué dans la foi protestante, il devient une figure importante du mouvement réformé.

Accueilli très jeune à la cour de France pour le soustraire à l'influence de sa mère et par stratégie politique, il est contraint de s'en éloigner en 1562 suite au massacre de Wassy et à la défiance qui en découle vis à vis des protestants.

Jeanne d'Albret et son fils s'installent alors à Pau. Reine de Navarre et comtesse de Foix, elle prend des mesures d'intolérance à l'égard des catholiques, et impose sur ses terres de Béarn le protestantisme comme religion unique et officielle.

La reine Catherine de Médicis tente une réconciliation nationale en proposant le mariage de sa fille Marguerite de Valois et du jeune Henri de Bourbon.

Portrait d'Antoine Bourbon
Auteur: François Clouet, vers 1576
Huile sur bois
Musée national de l'histoire, Pau

Le massacre de la Saint-Barthélemy

Ce mariage est célébré le 18 août 1572 à Paris alors qu'Henri n'a que 18 ans, et Marguerite 19.

La présence dans la capitale des principaux responsables huguenots est perçue comme une provocation par les catholiques, qui procèdent à leur massacre dans la nuit de la Saint-Barthélemy, du 23 au 24 août 1572.

Beaucoup de protestants quittent alors la France. D'autres se préparent à la résistance.

Henri est converti de force au catholicisme. Retenu quatre ans à la cour de France, il parvient à retourner auprès des Réformés dont il devient le chef à 23 ans.

Massacre de la Saint-Barthélemy
Aquarelle du XIXe siècle
Musée de la Commune, Paris

L'abjuration

En juin 1584, alors qu'il se trouve en comté de Foix, Henri apprend la mort de François, duc d'Alençon, frère du roi Henri III. Il devient l'héritier du trône de France. Mais, la famille royale et l'Église catholique contestent cet état de fait.

En 1589, à la mort de Henri III, dernier des Valois, Henri de Bourbon monte sur le trône. Il devient Henri IV, roi de France et de Navarre et promet, pour apaiser les esprits, de maintenir le royaume dans la religion catholique.

Il abjure le calvinisme en 1593 et son sacre a lieu à Chartres en 1594 dans la tradition des rois catholiques. Henri IV est alors officiellement reconnu roi de France.

La promulgation de l'édit de Nantes en 1598

L'édit signé à Nantes en 1598 rétablit le culte catholique et reconnaît le culte réformé. Il accorde aux protestants la liberté de conscience, l'égalité civile, l'accès sans discrimination aux fonctions, charges et dignités publiques, mais il limite l'exercice du culte à des lieux précis.

La religion catholique est proclamée première religion du royaume. Les huguenots sont contraints de restituer à l'Église les immeubles et les biens confisqués, à payer la dime et à respecter les jours chômés.

Mais ce texte ne fait pas cesser pour autant les luttes religieuses.

Edit de Nantes
12 août 1598
Musée de la Commune, Paris

Les deuxièmes guerres de Religion

Après l'assassinat d'Henri IV en 1610, les protestants reprennent les armes.

Le pays de Foix se soulève entre 1615 et 1620. En 1625, l'armée royale, battue, lève le siège du Mas-d'Azil.

Louis XIII et Richelieu décident de prendre des mesures radicales pour mettre fin à ces affrontements. Entre 1632 et 1638, les châteaux de Tarascon, Roqueixade, Montgaillard, Mérens et Usson sont abattus. Seul le château de Foix, un temps menacé, reste debout.

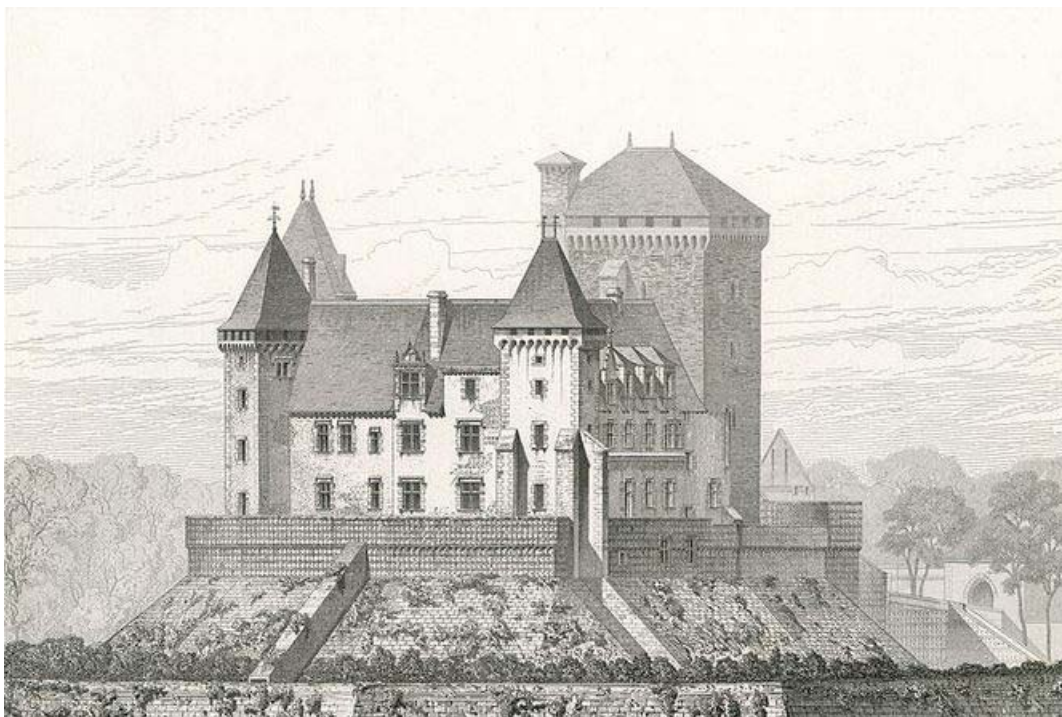
Henri IV
Suite de François, vers 1576
Huile sur bois
Musée national de l'histoire, Pau

1584 Massacre de la Saint-Barthélemy à Paris
1589 Promulgation de l'édit de Nantes
1601 Début des travaux de reconstruction de l'église de Saint-Basile
1621 Début des destructions guerrières de Foix en pays de Foix

Стенд, посвященный королям Наварры, в замке де Фуа, Франция. Жанна носила титул герцогини де Фуа.

Людей, без малейших угрызений совести изменявших и любви, и дружбе, потрясло происшествие на одном дворцовом празднике. Тогда на сцену на веревках вытянули шесть кораблей. В каждом сидел принц, который должен был выбрать себе даму сердца и увезти ее с собой. И только Антуан и дофин Франциск с поклоном ввели на борт своих жен – Жанну и Марию Стюарт.

Семейное счастье Жанны омрачала лишь череда странных смертей детей. Первый сын умер из-за чрезмерного усердия верной мадам Силли. Та так кутала малыша, что первый сильный сквозняк оказался для него роковым. Второго сына нянька играючи бросила из окна возлюбленному, а тот его не поймал... Жанна носила под сердцем третьего ребенка, когда незадолго до родов прибыл отец и пригласил ее рожать в его замке в По.

Замок По в Беарне, где родился будущий король Генрих IV

Герб Беарна на замке в По

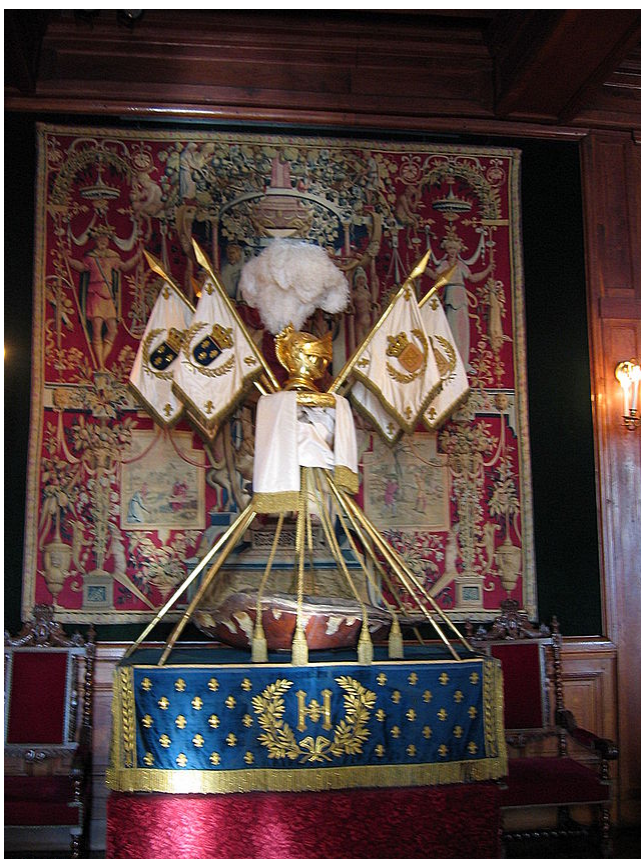
Большой камин...

... и гобелен из знаменитой коллекции гобеленов

«Послушай, девочка, - произнес старый воин, - я сделаю тебя королевой Наварры, если ты подаришь мне достойного внука. Его приход в этот мир станет важным событием: во время родов ты будешь петь песню наших гор, чтобы малыш вырос жизнерадостным и неутомимым в битвах. Не то, что эти тщедушные французские франты». Король помолчал, а потом добавил: «Иначе я передам королевство своему бастарду». Дочь, бесконечно любившая отца, согласилась.

Едва будущий Генрих IV дал знак о своем желании увидеть свет, Жанна послала за королем, и, преодолевая боль, запела: «Наша Госпожа на краю моста, помоги мне в этот час...». К всеобщей радости родился мальчик. Растроганный Генрих д'Альбре завернул наследника в свою мантию и поднес к его роту бокал виноградного вина. Малыш лизнул и качнул головкой. «Замечательный будет король!», - воскликнул восхищенный дед и намазал ему губки луком. А потом отдал ребенка в простой деревенский дом, тщательно выбрав кормилицу. И мальчик действительно вырос здоровым, веселым и сильным.

Колыбель маленького Генриха, реликвия замка По

Будущий Генрих IV в детстве

Самое странное заключалось в том, что Жанна, едва взглянув на новорожденного, преисполнилась уверенности, что он воссядет на трон Франции. И воспитывала его соответственно. Хотя реальность не давала к тому никаких оснований: у кузена Генриха и Екатерины Медичи было четверо детей. Однако, ее интуитивная догадка подтвердилась. Впоследствии сын, такой же отменный воин-повеса как отец и дед, стал одним из самых любимых французских королей. Он искренне заботился о благе подданных, мечтая, чтобы у каждой семьи в его государстве по воскресеньям в котелке варилась курица.

«На простака не нужен нож...»

«Все дело в Венере. Мадам (Екатерина) Медичи, знающая толк в этом искусстве, выбрала в своем гареме ту, что могла уловить душу нашего человека в свои сети».

Из письма Жака Кальвина
своему доверенному лицу Булинджеру

Та, которую пол-Европы за глаза называли «Мадам», сидела в кресле, задумчиво поглаживая кудрявую болонку. Ей надо было хорошенько обдумать ситуацию, сложившуюся после внезапной гибели супруга. Несмотря на предсказания астрологов Луки Горика и Мишеля Нострадамуса, он все-таки сражался на турнире и был смертельно ранен копьем в глаз. Поразмислить действительно было над чем. В стране постоянно шли локальные сражения на религиозной почве, в любой момент способные перейти в гражданскую войну. «Тщеславный Антуан де Бурбон мнит себя регентом при короле, его брат Луи, принц Конде, баламутит провинции, требуя создать королевский совет. Наварра, где правит эта прямодушная дурочка Жанна, давно уже стала оплотом гугенотов». Мадам слегка пошевелила отеками от неподвижной позы ногами и вновь погрузилась в тяжелые думы.

Собственно, этой начисто лишенной каких-либо принципов женщине, набожной христианке, с легкостью служившей черные мессы⁴, было глубоко наплевать и на католиков, и на протестантов. Значение имело лишь одно: чтобы у власти оставалась династия Валуа, а она, Екатерина Медичи, управляла страной. Во имя этой цели годились любые средства. «Одно время Бурбонам противостояли ревностные католики Гизы, по сути, управлявшие государством через свою племянницу Марию Стюарт⁵. Покойный король Франциск II спешил выполнить любую ее просьбу, - плавно текли мысли Мадам. - Теперь враждующие кланы поменялись ролями. Второй сын, Карл IX, тоже ускользает от моего влияния, попав под обаяние признанного главы протестантов Гаспара де Колиньи.

Лидер гугенотов адмирал Гаспар де Колиньи. Музей гугенотов в Бад Карлшафен, Германия

Правда, Франсуа де Гиз не сдаётся, он чувствует себя королем Парижа, народ в восторге от его отчаянной смелости. Как они глупы, эти вельможи, обуреваемые суетными страстями! Конечно, кого-либо из них можно устранить, благо знаменитые итальянские яды, накрепко запертые в комод, всегда находились под рукой, но какой в том смысл? Разумней обезвредить их, стравливая их друг с другом. Вот только как, как сделать это с толком?»

Мадам не зря прошла суровую школу в родной Флоренции: покойный автор «Государя» Никколо Макиавелли наверняка обрадовался бы, видя, сколь способную ученицу он приобрел. По обыкновению выждав, пока ситуация сама придет к какому-либо завершению, Екатерина в нужный момент незаметно внесла несколько корректив и... Вскоре Антуан по уши влюбился в ее фрейлину Луизу де Лимоьер, строго проинструктированную королевой, и позабыл о своих былых притязаниях на регентство, согласившись на скромную роль наместника. Более того, он решил перейти в католичество. Так протестанты лишились одного из своих вождей. Еще несколькими точными ходами она обезоружила принца Конде и клан Гизов. На очереди оставались адмирал Колиньи и королева Наваррская со своим сыном.

Королева Жанна открыто поддерживала гугенотов

Жанна еще долго не знала о предательстве мужа. Ведь он по-прежнему слал ей такие ласковые письма...

«Моя дорогая, как переменилась наша участь! Как обрадовалась бы ты, узнав о том положении, которое я занимаю сейчас! Королева-мать советуется со мной обо всем. Почему ты сказала, что она плохо относится к нам? Она собирается настоять на том, чтобы изображения святой Девы были убраны из церквей.⁶ ...Королева-мать скоро объявит свою полную веротерпимость по отношению к реформизму. Подумай, что это значит, любовь моя, и этого добились мы. Я знаю, ты считаешь, что мне следовало требовать совместного регентства, но, моя дорогая, я – наместник, это высокая должность. Я предпочитаю сотрудничать с королевой-матерью в качестве ее друга. Несомненно, приняв во внимание, что она сделала для нашей веры, ты не можешь отрицать, что она - наш союзник. Я должен сказать тебе, что мой дорогой брат Луи обрел свободу⁷ и благополучие. Мог ли брат наместника оставаться узником? Нет! Им пришлось освободить его. Как ты можешь догадаться, он проявил благородство. Смерть короля позволила Катрин освободить его, поскольку он находился в тюрьме по воле короля Франциска. Гордый Луи сначала отказывался принять освобождение до тех пор, пока его честь не будет восстановлена. Как это похоже на брата! Однако его перевели в лучшее помещение, чем то, которое он занимал в Амбуазе, и в конце концов королева-мать добилась снятия с него обвинения. Она очень расположена к Луи, как и он к ней. Моя дорогая жена, наконец, мы, Бурбоны, обретаем уважение, которого заслуживаем».
Антуан де Бурбон – супруге Жанне, королевы Наварры

«Смерть королеве»!

*«О, короли! Во власти ослепленья
Всегда вы кровь готовы проливать,
Чтоб ваши приумножились владенья...».*

Агриппа д'Обинье,
поэт и близкий друг короля Генриха IV

Измена мужа разбила сердце Жанны. Но она с рождения была сильной, цельной натурой и к тому же обладала государственным умом.

Париж. Статуя королевы Жанны Наваррской в Люксембургском саду

Поддаваться скорби означало проявить слабость, а за ней стояли Наварра и правое дело протестантов. Во имя исполнения этой высокой миссии предстояло бороться, а также растить сына, будущего короля Франции. Будучи католичкой, как и отец, после его смерти она во всеуслышание объявила о принятии протестантской веры, стараясь жить по правде и совести. Но поступать праведно удавалось не всегда - сердце ее ожесточилось. Чтобы раздобыть средства, необходимые деверю Конде, оставшемуся верным гугенотам, королева подвергла разграблению соборы и монастыри провинции Гиень, губернатором

которой некогда был ее слабовольный муж. Вскоре он погиб в одном из сражений под Руаном.

А Мадам понимала, что разумней держать опасную соперницу рядом с собой, при дворе. И гонцы доставляли в Наварру приторно-ласковые письма. Жанна давно знала низкую душонку флорентийки. Она прекрасно помнила, как однажды в молодости искренне посочувствовала Екатерине, муж которой изменял ей с Дианой де Пуатье. (Эта, по выражению одного из историков, «самая длинная связь в истории Франции» длилась 30 лет и угасла только со смертью короля). И заявила, что она, Жанна, не стала бы терпеть подобное ни минуты. Дофина отреагировала мгновенно: «Какая мне разница, с кем спит мой муж. Вскоре я стану королевой, а вы, милочка, хоть и принцесса крови, - останетесь всего лишь жалкой герцогиней Клевской».

Да, они сталкивались не раз, и Жанна, пользуясь своей независимостью и обширными связями при дворе, поступала так, как считала нужным. Однако сейчас реальность не оставляла иного выбора. Власть находилась в руках Екатерины, с ней надо было ладить во имя интересов дела и детей - Генриха и Катрин. И когда осенью 1571 года в ворота замка в Нераке в очередной раз постучался гонец Екатерины Бирон с очередным приглашением приехать ко двору, королева Наварры согласилась, но – на определенных условиях. Она тронулась в путь в сопровождении принца Генриха, проводившего ее до Ажене. Здесь 13 января 1572 года нежно любящие мать и сын расстались.

Встреча двух королей в Париже прошла мирно. Жанна суровым голосом повествовала о бесчисленных несправедливостях, совершенных по отношению к протестантам, выдвинула ряд требований, а в конце со свойственной ей прямоотой заявила, что обмануть ее не удастся. Мадам согласно кивала, посмеиваясь внутри: «Говори, милочка, говори...». Однако, зная искренность, смелость и бескомпромиссность Жанны, способной на самые экстраординарные поступки, притворялась радушной и понимающей. А за спиной, как всегда, плела интриги. Например, уговаривала колеблющуюся Жанну женить Генриха на своей дочери Марго.

Маргарита Валуа, первая супруга Генриха Наваррского, более известная как королева Марго

А потом распускала слухи, что наваррка валялась у нее в ногах, умоляя об этом браке. Разгневанные протестанты упрекали свою королеву, та требовала объяснений. Мадам изворачивалась, как змея, (ее так и звали при дворе - «Мадам змея» - за бесцветный взгляд, устремленный в одну точку, и молниеносный удар по врагам), но ... коварство наполняло собой каждую клеточку ее тела.

За Жанной пристально следили. Однажды она написала сыну письмо, обрисовав ситуацию, сложившуюся на политическом небосклоне Франции, и закончила его словами: «Пора настала, сын мой, собирайся в дорогу и приезжай!»! Мадам прочла его, по обыкновению не взламывая печатей, и поняла: медлить больше нельзя! 9 июня 1572 года, в возрасте 44 лет, королева Наварры внезапно скончалась.

*Портрет Маргариты Наваррской к концу жизни.
Музей гугенотов в Бад Карлшафен, Германия*

Позже придворные лекари уверяли принца Генриха, что виной тому – недавняя простуда и обострившийся туберкулез. Но при дворе шептались, что накануне Екатерина Медичи прислала ей подарок – надушенные перчатки, пропитанные ядом, изготовленным парфюмером Рене. Через два месяца, как обычно, чужими руками, Мадам расправилась с другим вождем гугенотов, адмиралом де Колиньи. Это случилось 24 августа 1572 года, во время страшной резни в ночь святого Варфоломея. Говорят, что наблюдая за избиением гугенотов, она произнесла сакраментальную фразу: «Бить с ними жестокими – человечно, а быть милосердными - жестоко»...

«Приезжайте, моя дорогая сестра, вместе с малышами, которых я считаю моими детьми. Он касается вашей дочери Катрин, моей маленькой тезки. Не забывайте о том, что я – ее крестная мать. Я бы хотела выдать ее замуж за моего маленького Генриха. Такой брак, дорогая сестра, сделает наш союз нерасторжимым. Вам не найти более любящей и искренней свояченицы, чем я...»

Из письма Екатерины Медичи Жанне Наваррской

Екатерина де Бурбон – дочь королевы Наваррской

Статуя адмирала Гаспара де Колиньи, установленная в его дворце напротив Лувра

«Колиньи настроен решительнее, чем когда-либо, и очень меня утешает. Он требует начать войну во Фландрии, и королева не в силах этому воспротивиться, хотя и уверяет, что никто нас не поддержит – ни Англия, ни немецкие князья-протестанты. Но она, в конце концов, просто злая старуха, а ее сын, король, боится господина адмирала и поэтому любит его, он зовет его отцом. Когда они опять свиделись, Колиньи опустился перед королем на колени, но в мыслях своих и намерениях он смиренно склонился перед богом, а отнюдь не перед Карлом IX, который готов следовать во всем его воле, осыпает его милостями и уже не принимает без него никаких решений. Король подарил адмиралу 100 тысяч ливров, чтобы тот восстановил свой замок Шантильи, который сожгли. Так господин адмирал теперь и живет. Король же остался в Блуа из-за своей возлюбленной. Господин адмирал был прав: это даст нам возможность воспользоваться подходящей минутой и вырвать власть у мадам Екатерины. Пора настала, сын мой, собирайся в дорогу и приезжай!»

Из письма королевы Наваррской сыну, будущему Генриху IV

1. Альбре – одна из земель Наварры наряду с Бигоррой, Арманьяком – старой Гасконью, и другими.
2. Название движения, которое возглавил Мартин Лютер и продолжил Жак Кальвин
3. На местном наречии название хорала звучит так: «Да поможет Она (Богоматерь) мне в этот час».
4. Элифас Леви. Ритуал трансцендентальной магии. М.: Рефл бук Ваклер, 1995. С. 155-156
5. Мать Марии Стюарт, супруга шотландского короля, принадлежала к дому Гизов.
6. Протестанты считали, что мать Иисуса была обыкновенной женщиной, ссылаясь на то, что именно так - «благословенна ты в женах» - обратился к ней архангел Гавриил. Поэтому они обвиняли католиков, обожествлявших Деву Марию, в идолопоклонстве и выдвигали требования убрать ее иконы и скульптуры из храмов и соборов.
7. Франциску Гизу удалось доказать, что Луи де Конде имел отношение к очередному столкновению между протестантами и католиками, вошедшему в историю, как резня в Амбуазе. Принца крови приговорили к смертной казни, однако внезапная смерть короля Франциска II спасла его от печальной участи. Екатерина Медичи воспользовалась ситуацией, войдя к нему в доверие и манипулируя им в своих интересах.

